

Профессор Гликман

Впервые я услышал это имя в студенческие годы. Обучаясь на вечернем отделении филфака, я благодаря незабвенной Берте Яковлевне Барской увлекся историей классической зарубежной драматургии. И тогда в мои руки попала книга Исаака Гликмана о Мольере. Книга, написанная глубоко и изящно, в которой высокий научный уровень органично сочетается с доступностью изложения. Так умеют писать только большие ученые. Шло время — и имя Исаака Давидовича Гликмана стало попадаться мне при изучении самых разных пластов отечественной культуры. Порой возникал вопрос: "А тот ли это Гликман?". И оказывалось, что именно "тот": выдающаяся творческая личность, ярко проявившая себя и в академической науке, и в литературе, и в театре, и в музыке, и в кино.

Исаак Давидович родился в Витебске в семье еврейского актера Давида Гликмана и был младшим среди трех братьев. Старший брат, Соломон, погиб смертью храбрых на фронте в годы Великой Отечественной войны. Средний, Гавриил, в июле 1941 года, будучи студентом последнего курса Академии художеств в Ленинграде и имея отсрочку от военной службы, оставил учебу в престижном творческом вузе и поступил в артиллерийское училище. Командуя батареей, он дошел до Германии. Вернувшись с фронта, этот одаренный художник и скульптор в полной мере испытал на себе всю мерзость послевоенного антисемитизма. Его картины не выставлялись и не закупались государством. Гавриил Гликман существовал на частные заказы, в основном, делал памятники ушедшим видным деятелям культуры. То, что ему предлагали такие работы, свидетельствует о признании его таланта в кругах ленинградской интеллигенции. Кстати, очень высоко отзывался о творчестве Гавриила Гликмана Дмитрий Шостакович — один из самых близких друзей Исаака Давидовича. Когда в "железном занавесе" появилась щель, Гавриил Гликман уехал из СССР в вынужденную эмиграцию, где к нему быстро пришел заслуженный успех. В результате наша культура не досчиталась еще одного таланта.

Теперь о младшем из Гликманов. Факультет музыкальной режиссуры Санкт-Петербургской консерватории, основанный профессором Эммануилом Капланом, дал миру многих известных постановщиков опер и балетов, и все они с восторгом отзываются о своем Учителе — профессоре Исааке Гликмане. Но педагогическая деятельность — лишь малая часть творческой жизни И.Д. Гликмана. В 40-е годы он возглавлял литературную

часть Малого оперного театра, справедливо называвшегося тогда творческой лабораторией современных опер. Сотрудничая с композиторами, либреттистами, постановщиками, он помогал рождению новых сценических произведений, со временем вошедших в золотой фонд мирового оперного искусства. Среди них — "Война и мир" Сергея Прокофьева по одноименному роману Льва Толстого.

Глубокий знаток законов драматургии музыкального театра и кинематографа, Исаак Гликман органично соединил в своих киносценариях к экранизациям известных опер и оперетт — "Евгений Онегин", "Пиковая дама", "Князь Игорь", "Флория Тоска", "Крепостная актриса" — эти два, казалось бы, таких далеких друг от друга жанра искусств. Будучи долгие годы музыкальным консультантом и редактором на киностудии "Ленфильм", он помогал Григорию Козинцеву в работе над фильмами "Гамлет" и "Король Лир" (с гениальной музыкой Шостаковича). С его безупречным вкусом считались известные кинорежиссеры Трауберг, Эрмлер, Ивановский...

Исаак Гликман многие годы дружил с выдающимся музыковедом И.И. Соллертинским. Эта дружба обогащала обоих новыми творческими идеями. Оба славились не только как интеллектуалы, но и как по-настоящему остроумные и доброжелательные люди. Многим известны устные рассказы Ираклия Андроникова, среди которых повествование о том, как Ираклий Луарсабович пробовал себя в качестве музыкального комментатора в питерской филармонии, и чем это закончилось. В этом рассказе есть такие строки:

"В это время в голубую гостиную не вошел и не вбежал, а я бы сказал, как-то странно впал Соллертинский. Хрипло спросил:

— Что ты наделал?

А я еще вопросы стал ему задавать:

— А что я наделал? Я, наверно, не очень складно говорил?

Иван Иванович возмутился:

— Прости, кто позволил тебе относить то, что было, к разговорному жанру? Неужели ты не понимаешь, что произошло за эти двадцать минут?

— Иван Иванович, это же в первый раз...

— Да, но ни о каком втором разе не может быть никакой речи! Очевидно, ты действительно находился в обмороке, как об этом все и подумали....

...Что было потом, помню неясно. Знаю только, что возле меня сидит человек, которого до этого я видел, наверно, не больше двух раз, — известный ныне искусствовед Исаак Давидович Гликман, коего числю с тех пор

среди своих лучших друзей. Он похлопывает меня по плечу, говорит, что не я один, но и филармония виновата. Надо было прослушать сперва, а не так выпускать человека. И он подмигивал Соллертинскому. И Соллертинский уже смеялся...

...Мы вышли втроем. Лил дождь. Пошли на Пушкинскую..."

Еще одна грань творческого дарования Исаака Гликмана — его либретто к балетам. Среди них — поставленный Юрием Григоровичем в Большом театре балет Шостаковича "Золотой век", с триумфом обошедший весь мир, балеты "Встреча" (на музыку Девятой симфонии Шостаковича), "Бык на крыше" на музыку французского композитора Дариуса Мийо, "Золотой ключик" Моисея Вайнберга.

Гликман — автор нового перевода текстов оперы "Кармен": впервые прозвучали разговорные диалоги вместо речитативов. Мастерски выполнены переводы текстов известных классических оперетт: "Перикола" и "Цыганского барона"...

Особый разговор о литературной деятельности И. Гликмана — о его книгах, статьях, рецензиях. Исчерпывающе по глубине содержания его работы о Карло Гольдони, о французском комедиографе XVIII века Реньяре, о русском драматурге Сухово-Кобылине... Эти книги и статьи стали необходимым пособием для нескольких поколений режиссеров и актеров драматического театра. А монография "Мейерхольд и музыкальный театр", над которой автор трудился много лет, стала настольной книгой для специалистов, занимающихся оперной режиссурой.

Здесь, по-видимому, уместно привести отзыв выдающегося дирижера современности Валерия Гергиева: "Книгу Исаака Давидовича Гликмана "Мейерхольд и музыкальный театр" я взял с собой в Мюнхен и Милан, где у нас были юбилейные концерты, посвященные П.И. Чайковскому. Читая книгу там, я как бы не расставался с музыкальной культурой Петербурга-Ленинграда. Для меня эта книга и личность автора слиты воедино. Я знаю многих "рапиристов" от нашей критики, которые колют и режут все, что попало, с авторитетным видом, не обладая при этом достаточными знаниями и культурой. К счастью, Исаак Давидович к таким не принадлежит. Мы здесь, в Кировском театре, благодаря общению с Исааком Давидовичем, всегда имели возможность получить консультации по многим спорным вопросам в нашем театральном деле. Теперь же мы имеем бесценную возможность прочесть его мысли о таком сложном явлении, как Мейерхольд и его оперные постановки, о победах, озарениях режиссе-

ра, его поисках, даже его заблуждениях... Я желаю Исааку Давидовичу многих лет творчества и уверен, что он поможет раскрыть секрет души оперного театра еще не одному дарованию".

Важное место в истории музыкознания XX века заняла книга "Письма к другу" с подзаголовком "Дмитрий Шостакович — Исааку Гликману". Сюда вошло около 300 писем великого композитора, где Шостакович делится с ним самыми сокровенными раздумьями. Дружба этих людей длилась более 40 лет — и письма охватывают почти весь этот период. Сами письма и блистательные комментарии к ним Исаака Гликмана позволяют читателям прикоснуться к духовному миру крупных личностей, чьи мысли отражают сложную, трагическую эпоху, в которую довелось им жить. Петербургский музыковед Михаил Бялик писал: "Книга эта сразу же была признана самым достоверным документальным свидетельством жизни и художественного процесса величайшего музыканта. Она переведена на немецкий, французский, японский языки. Сейчас готовится в Лондоне ее английское издание, и можно не сомневаться, что ей, подобно "Беседам о Гете" Эккермана, уготовано жить в веках"...

Из писем мы, в частности, узнаем об исполнении в доме Шостаковича в 1950 году, во время разгула сталинских репрессий, его вокального цикла "Из еврейской народной поэзии", об истории создания 13-й симфонии с "Бабьим Яром" на стихи Евтушенко. Кстати, первым, кто обратил внимание Шостаковича на эти стихи, был Исаак Гликман. Он прочитал их в "Литературной газете" и сразу же принес композитору.

Интересны факты, приведенные Гликманом, о многолетней дружбе Шостаковича и выдающегося дирижера Евгения Мравинского. Ему посвятил композитор свою Восьмую симфонию. А в период травли и обвинений Шостаковича в "формализме" Мравинский исполнил его Пятую симфонию и под гром оваций поднял партитуру высоко над головой. Мравинский был старше Шостаковича ровно на три года, три месяца и три недели. Несмотря на то, что они всегда были "на вы", в их дружбе было нечто очень нежное и трогательное. Исаак Давидович Гликман вспоминал, что ему нередко случалось вместе с Мравинским провожать Дмитрия Дмитриевича на вокзал. Попрощавшись с ним, они обычно оставались на перроне до отхода поезда и смотрели через закрытое вагонное окно на стоящего в вагоне Шостаковича. Однажды он выглядел сумрачным, нахохлившимся, с непокорной прядью волос на лбу, и Евгений Александрович ласково произнес: "Ах ты, мой милый воробушек!". И хотя слова не были услышаны композитором, в них было столько тепла, что они, вероятно, отозвались в его душе.

В 1990 году мне посчастливилось общаться с Исааком Давидовичем Гликманом. В Ленинградском отделении Союза композиторов обсуждались произведения Юрия Фалика, прекрасного автора и дирижера, нашего земляка. Общий уровень обсуждения поражал аргументированностью, глубиной анализа, точностью оценок. А выступление Гликмана, на мой взгляд, было образцом взыскательного и одновременно доброжелательного и тактичного отношения к композитору. После обсуждения, уже за чашкой кофе, Исаак Давидович блистал остроумием. Он поражал своей непосредственностью, удивительной молодостью духа. А ведь тогда ему было уже под восемьдесят. Рассказывал о тридцатых годах, страшных репрессиях, которые "выкашивали" лучших из лучших. О страхе, который перебороть могли далеко не все.

И.Д. Гликман прожил большую и интересную жизнь (он скончался в 2003 году) — и остался в своих трудах и учениках. О нем хочется сказать словами В.А. Жуковского:

"О милых спутниках, которые сей свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были".

